

УДК 81

EDN QQQJXR

<https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2026-219-231-239>

Научная статья

Особенности дипломатического дискурса как языка профессии

А. С. Тарасова ✉¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18

Для цитирования: Тарасова, А. С. (2026) Особенности дипломатического дискурса как языка профессии. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, № 219, с. 231–239. <https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2026-219-231-239> EDN QQQJXR

Получена 12 января 2026; прошла рецензирование 1 февраля 2026; принята 26 февраля 2026.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. С. Тарасова (2026). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Аннотация

Введение. В статье рассматривается дипломатический дискурс как особый язык профессиональной коммуникации в сфере международных отношений. Язык дипломатии не только отражает сложившуюся систему международного взаимодействия, но и выступает инструментом формирования и конструирования политической реальности, в связи с чем крайне важным представляется его изучение и концептуализация в рамках теории дискурса. Анализ дипломатического дискурса позволяет выявить специфику профессионального общения дипломатов, а также механизмы производства и трансляции политических смыслов. Цель исследования заключается в выявлении особенностей дипломатического дискурса как специфического языка профессиональной коммуникации.

Материалы и методы. Методологическая основа исследования определяется положениями теории дискурса и опирается на междисциплинарный подход. Эмпирический материал составили резолюции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, а также отдельные дипломатические заявления, которые были рассмотрены не только через призму лингвистического анализа, но и с учетом политического и исторического контекстов. В работе использовались методы контент-анализа, сравнительного и системного анализа, что позволило рассмотреть дипломатический дискурс как комплексное явление.

Результаты. В результате исследования автор приходит к выводу, что дипломатический дискурс может рассматриваться как самостоятельный тип институционального дискурса, обладающий рядом устойчивых характеристик. К числу его ключевых особенностей относятся высокая степень контекстуальной обусловленности, регламентированность, перформативный характер, преемственность дипломатических традиций и ориентация на достижение внешнеполитических целей государства. Отмечено, что наряду с использованием специализированной профессиональной терминологии дипломатический язык отличается устойчивыми протокольно-этикетными выражениями и сложными синтаксическими конструкциями.

Заключение. Проведенное исследование позволило уточнить подходы к определению понятия «дипломатический дискурс», проследить его взаимосвязь с институциональным и профессиональным дискурсами, а также выявить его отличительные особенности, что может быть использовано в дальнейшем научном и практическом анализе дипломатической коммуникации.

Ключевые слова: дискурс, дипломатический дискурс, профессиональный дискурс, язык профессии, международная коммуникация

The distinctive features of diplomatic discourse as the language of the profession

A. S. Tarasova ¹

¹ Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
18 Bolshaya Morskaya St., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Tarasova, A. S. (2026) The distinctive features of diplomatic discourse as the language of the profession. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 219, pp. 231–239. <https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2026-219-231-239> EDN QQQJXR

Received 12 January 2026; reviewed 1 February 2026; accepted 26 February 2026.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. S. Tarasova (2026). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY License 4.0.

Abstract

Introduction. This article examines diplomatic discourse as a specialized language of professional communication within international relations. The language of diplomacy not only reflects the established system of international interaction but also functions as a tool for shaping and constructing political reality; therefore, its study and conceptualization within the framework of discourse theory are of particular importance. An analysis of diplomatic discourse makes it possible to identify specific features in diplomats' professional communication, as well as the mechanisms through which political meanings are produced and transmitted. This study aims to identify the characteristics of diplomatic discourse as a distinct professional language.

Materials and Methods. The methodological framework is based on the principles of discourse theory and employs an interdisciplinary approach. The empirical data comprise resolutions of the United Nations Security Council and a selection of diplomatic statements. These materials were analyzed not only from a linguistic perspective but also within their respective political and historical contexts. The study employed content analysis, comparative analysis, and systems analysis to examine diplomatic discourse as a complex phenomenon.

Results. Diplomatic discourse can be regarded as a distinct type of institutional discourse, characterized by several stable features. Its key attributes include high contextual dependence, regulation, a performative nature, the continuity of diplomatic traditions, and an orientation toward achieving the foreign policy objectives of the state. It is noted that, in addition to specialized professional terminology, diplomatic language is characterized by established protocol and etiquette formulas, as well as complex syntactic structures.

Conclusions. The study refines the approaches to defining the concept of 'diplomatic discourse', traces its relationship with institutional and professional discourses, and identifies its distinctive features. These findings may be applied in further theoretical and practical analyses of diplomatic communication.

Keywords: discourse, diplomatic discourse, professional discourse, language of the profession, international communication

Введение

В условиях трансформации мировой политической системы дипломатия, и в частности дипломатический дискурс, приобретают особое значение как ключевой инструмент реализации внешнеполитических стратегий государств. Дипломатическая коммуникация не только отражает политические процессы, но и формирует их, выступая средством согласования интересов, предотвращения конфликтов и поддержания международной стабильности. Роль дипломатии как механизма реализации национальных приоритетов и внешнеполитических целей закреплена в стратегических документах множества го-

сударств (Концепция внешней политики РФ... 2023; Национальная безопасность Китая... 2025; A Global Strategy... 2016), что подчеркивает ее существенное значение. Однако несмотря на устойчивый академический интерес к институциональным видам дискурса, дипломатический дискурс до настоящего времени остается сравнительно малоизученным, что делает его предметом отдельного исследования.

Целью исследования является выявление и описание ключевых особенностей дипломатического дискурса как разновидности профессионального институционального общения. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- рассмотреть теоретические подходы к понятию дискурса и дипломатического дискурса;
- определить место дипломатического дискурса в системе институциональных и профессиональных дискурсов;
- проанализировать особенности дипломатического дискурса как языка профессии.

Теоретические основы исследования

В современной лингвистике дискурс понимается как связный текст, обусловленный прагматическими, социокультурными, психологическими и иными условиями. Дискурс — это текст, взятый в событийном аспекте, а также речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие (Арутюнова 1990).

Несмотря на то, что дискурс является актуальным междисциплинарным объектом научного анализа, проблематика дипломатического дискурса остаётся недостаточно разработанной в академической литературе. В отличие от политического и медиадискурса, которые получили всестороннее освещение как в теоретическом (Ван Дейк 2006; Шейгал 2005; Foucault 1971), так и в прикладном аспектах — в части анализа языковых инструментов (Chilton 2009; Fairclough 2006) и национальных специфических особенностей (Cooper 2024; Schunz, Torcuoglu 2023; Zhang et al 2023), — дипломатический дискурс изучен в меньшей степени.

Значительное число российских исследователей предлагает выделять дипломатический дискурс в качестве самостоятельного типа институционального дискурса, обладающего специфическими характеристиками, лишь частично совпадающими с политическим (Кожетева 2012b; Терентий 2010; Яппарова 2016). Данный дискурс функционирует в сфере дипломатии, которая представляет собой официальное взаимодействие государств на международной арене. Зарубежные исследователи также признают институциональный характер дипломатического дискурса и определяют его как коммуникативную деятельность или совокупность дискурсивных практик. Такие практики используются суверенными государствами для передачи международных стратегий и установок, а также достижения политических целей в конкретный исторический период (Jin 2007).

По словам Л. В. Терентия, дипломатический дискурс представляет собой особую форму коммуникативной деятельности, особенность которой заключается в ее разнонаправленном характере, обусловленном различными целями,

которые реализуются в публичном и закрытом контекстах. Данное положение позволяет говорить о двухуровневой структуре дипломатического дискурса, включающей открытый (публичный) и закрытый (непубличный) аспекты. Публичный дипломатический дискурс представлен в официальных документах, предназначенных для широкой международной аудитории, в то время как закрытый дипломатический дискурс функционирует в рамках профессионального общения и не придается огласке. Непубличный аспект дипломатического дискурса, по мнению Л. В. Терентия, приближен к научной коммуникации, что обусловлено относительным равенством участников, закрытостью профессионального сообщества, применением похожих коммуникативных стратегий и жанров, использованием специфических речевых оборотов (Терентий 2015, 178-179). Профессиональная коммуникация осуществляется на уровне «специалист – специалист» и «специалист — неспециалист» (Голованова 2013, 33), что характерно и для дипломатического дискурса, где существует «закрытый» и «открытый» дискурсы. Такое сходство позволяет рассматривать дипломатический дискурс не только как политическое явление, но и как разновидность профессионального интеллектуального общения, в котором дипломатическая коммуникация обретает свой специфический «язык профессии».

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют положения теории дискурса, в соответствии с которыми дипломатический дискурс рассматривается как социально обусловленная форма речевой деятельности, функционирующая в рамках института дипломатии и подчинённая нормам международного права и дипломатического протокола. В основу анализа лег междисциплинарный подход, который позволил рассмотреть дипломатический текст не только как языковой продукт, но и как инструмент политического действия, реализуемый в определенном социокультурном контексте.

Отбор материалов для исследования был осуществлен в соответствии с подходом исследователя Л. Хансен, которая предлагает учитывать следующие критерии при выборе текстов для анализа: тексты должны четко отражать идентичность и политический курс, обладать широким распространением и иметь формальную способность определять политическую позицию (Hansen 2006). В качестве материалов исследования были выбраны источники, представляющие

различные виды международной коммуникации: резолюции Совета Безопасности ООН, а также отдельные дипломатические заявления. Комплексный подход позволил системно выявить особенности дипломатического дискурса как профессиональной формы коммуникации. Отобранные материалы рассматривались не только с позиции лингвистического анализа текста и его структурных особенностей, но и с учётом условий их возникновения и функционирования в политическом процессе (Ван Дейк 2006, 227).

Для исследования дипломатического дискурса были использованы контент-анализ, сравнительный и системный анализы. Контент-анализ был направлен на выявление ключевых терминов и устойчивых выражений, характерных для официальной дипломатической коммуникации. Сравнительный анализ помог сопоставить речевые характеристики различных типов дипломатических документов. Системный анализ позволил упорядочить выявленные особенности коммуникации и систематизировать представления о дипломатическом дискурсе.

Результаты исследования

Изучение теоретических работ российских и зарубежных ученых, а также анализ отобранных материалов позволил выявить и проиллюстрировать особенности профессионального дискурса дипломатии.

Во-первых, дипломатический дискурс преследует специфические цели, которые обусловлены функциями внешней политики государства и нормами международного права. Его основное назначение заключается в обеспечении безопасности и суверенитета государства, формировании стабильных международных отношений и поиске согласия между участниками международного общения. Дипломатический дискурс также направлен на защиту национальных интересов, поддержание позитивного международного имиджа государства и содействие устойчивому развитию мировой политической системы (Кожетева 2012а, 59). Так, в Концепции внешней политики РФ закреплена роль дипломатии как механизма развития международного сотрудничества и обеспечения учета российских интересов (Концепция внешней политики РФ... 2023); в Глобальной стратегии ЕС говорится о роли дипломатии в достижении общеевропейских целей (A Global Strategy... 2016); в китайских стратегических документах отмечается, что дипломатия вносит свой вклад в защиту интересов Китая (Национальная безопасность Китая... 2025). Приведенные примеры

свидетельствуют о том, что дипломатия функционирует как средство реализации стратегических целей государства на международной арене, чему способствует обусловленный национальными интересами дипломатический дискурс.

Во-вторых, особенностью дипломатического языка является его перформативность. «Политические и дипломатические действия — это действия преимущественно речевые» (Терентий 2010, 49), поэтому перформативные высказывания в дипломатии интерпретируются как действие. Данная специфика отражена в дипломатических документах, например, в резолюциях Совета Безопасности ООН, где широко используются модальные глаголы: «обязан» («shall»), «уполномочивать / разрешать» («authorize»), «решает / принимает решение» («decides»), «призывает» («calls upon»), «может потребовать» («may require») и т. д., которые подчеркивают обязательность действий (Резолюция 1973... 2011; Резолюция 1373... 2001). Специализированные фразы встречаются в выступлениях представителей Министерства иностранных дел РФ, которые с учетом перформативности дипломатической коммуникации можно расценивать как выражение:

- обеспокоенности и призыв к действиям («с крайней обеспокоенностью фиксируем», «призываем стороны незамедлительно вернуться к имеющимся договоренностям», «выражаем серьезную озабоченность» — о напряжении в армяно-азербайджанских отношениях (Заявление МИД России... 2023);
- выражение поддержки одной из сторон конфликта («выражаем полную, непоколебимую поддержку Правительству Президента Луиса Арсе», «призываем все конструктивные политические силы и структуры (...) сплотиться» — в контексте попытки военного переворота в Боливии (Заявление МИД России... 2024а), «подтверждаем нашу солидарность с венесуэльским народом» — о нестабильной ситуации в Венесуэле (Заявление МИД России... 2025);
- выражение солидарности и консенсуса («министры подтвердили стремление выполнять договоренности», «по обоюдному убеждению сторон», «встреча подтвердила взаимную приверженность» — в рамках совещания министров иностранных дел России и АСЕАН (Заявление МИД России... 2022а).

Таким образом, перформативные конструкции в дипломатическом дискурсе не только

передают информацию, но и реализуют конкретные политические шаги.

В-третьих, язык дипломатии отличается двусмысленностью. Прилагательное «дипломатический» определяется в Большом русском словаре не только как относящийся к дипломатии, но и как «уклончивый, осторожный, не проявляющий открыто истинных чувств и намерений» (Кузнецов 2000, 260). Умение осторожно и неоднозначно вести беседу — важный профессиональный навык сотрудников дипломатических служб. В дипломатической практике широко используется принцип «конструктивной неопределённости» («constructive ambiguity»), который традиционно связывается с именем Г. Киссинджера. Данный подход предполагает сознательное избегание жёстких формулировок с целью сохранения переговорной гибкости. В качестве примера можно привести Резолюцию ООН 242 (1967), трактовки содержания которой расходятся в отношении положения о выводе израильских войск. В документе закреплена необходимость удалить войска «с территорий, оккупированных во время недавнего конфликта» (Резолюция 242... 1967), однако не говорится, все ли войска должны быть выведены и из каких конкретно территорий.

Еще одним важным для дипломатического языка принципом является «хеджирование». Его основоположником является Дж. Лакофф, внедривший термин «языковых хеджей» (от англ. hedge — «преграда», «ограждение») (Lakoff 1973). «Хеджи» — это языковые средства, выражающие неопределённость, позволяющие смягчить высказывание и снизить его категоричность. Данный приём помогает формулировать высказывания таким образом, чтобы они допускали различные интерпретации, не нарушая при этом норм международного политического общения. К лингвистическим хеджам можно отнести модальные глаголы, осторожные формулировки и условные конструкции. Так, хеджирующая функция реализуется в выражениях: «Совет Безопасности может запросить» («the Security Council may request»), «Совет Безопасности рассмотрит сохраняющуюся необходимость» («the Security Council will consider the continued need»), «выражает намерение пересмотреть ситуацию» («expresses its intention to review the situation» (Резолюция 2792... 2025), где обязательность решений намеренно снижена, но в то же время обусловлена сущностью документа.

В-четвертых, в языке дипломатических документов встречается высокая, торжественная лексика, а также особые этикетные формулы.

К ним относятся выражения: «имею честь сообщить», «пользуясь случаем, выражает своё высокое уважение», «прошу принять уверения в моём самом высоком почтении», «в духе взаимопонимания и доброй воли», «исходя из принципов международного права» и т. д., которые обеспечивают соблюдение норм дипломатического протокола и подчеркивают официальный характер документа. Как отмечает И. А. Желнова, специфика дипломатических отношений обуславливает обращение к сложным синтаксическим структурам, отличающимся многоуровневой союзной связью, активным использованием причастных и деепричастных оборотов, инфинитивных конструкций, а также вводных и обособленных компонентов высказывания (Желнова 2011, 7). Проиллюстрировать данную особенность можно следующими официальными высказываниями со стороны Министерства иностранных дел РФ. Так, в оценке отношений с Сирией говорится, что «отношения дружбы и взаимного уважения, сложившиеся между народами наших стран за предшествующие десятилетия, будут и впредь конструктивно развиваться» (Заявление МИД России... 2024b). Ещё одним примером является выражение обеспокоенности по поводу напряжённой ситуации на киргизско-таджикской границе в 2022 г., в рамках чего было подчеркнуто следующее: «призываем обе стороны принять срочные исчерпывающие меры для устойчивого перевода ситуации в политико-дипломатическое русло, пресечения любых попыток эскалации, а также провокаций третьих сторон» (Заявление МИД России... 2022b). Данные конструкции позволяют соблюсти дипломатический протокол и в то же время отразить позицию страны по тому или иному вопросу. Вместе с тем, при сохранении традиционного высокого стиля, всё больше исследователей отмечают тенденцию к сближению дипломатического языка с разговорным (Никанорова 2017). Особенно отчётливо это проявляется в коммуникации «специалист — обыватель», ориентированной на внешнюю аудиторию. При этом протокольные функции и формальные особенности дипломатического языка в значительной степени сохраняются, прежде всего в официальной переписке и деловом общении.

Заключение

Проведённое исследование позволило рассмотреть дипломатический дискурс как самостоятельный тип институционального и профессионального общения, обладающий специфическим набором характеристик.

На основе анализа теоретических работ отечественных и зарубежных исследователей, а также официальных дипломатических документов было выявлено, что дипломатический язык является не только средством передачи информации, но и инструментом политического воздействия.

К ключевым особенностям дипломатического дискурса относится его обусловленность специфическими целями государства, перформативный характер, двойственность и неоднозначность, высокая степень регламентированности, выражающаяся в обилии устойчивых этикетных формул и сложных синтаксических конструкций. В определенных ситуациях

дипломатический дискурс сближается с разговорными формами речи, однако дипломатическая практика остается одной из профессиональных областей, где крайне значима преемственность традиций и высока роль протокола.

Таким образом, дипломатический дискурс может быть охарактеризован как специфический «язык профессии», в котором сочетаются нормативность, стратегическая гибкость и высокая степень контекстуальной обусловленности. Владение коммуникативными компетенциями в данном случае является ключевым для дипломата в силу характера и целей дипломатической деятельности.

Источники

- Заявление МИД России в связи с попыткой военного переворота в Многонациональном Государстве Боливия. (2024а) *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1959801/ (дата обращения 09.01.2026).
- Заявление МИД России в связи с развитием ситуации в Сирийской Арабской Республике. (2024б) *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/official_statement/1987700/ (дата обращения 08.01.2026).
- Заявление МИД России в связи с ситуацией вокруг Венесуэлы. (2025) *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2066681/ (дата обращения 09.01.2026).
- Заявление МИД России в связи с ситуацией на киргизско-таджикской границе. (2022б) *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1830048/ (дата обращения 08.01.2026).
- Заявление МИД России о ситуации в процессе армяно-азербайджанской нормализации. (2023) *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1865114/ (дата обращения 09.01.2026).
- Заявление МИД России по итогам совещания министров иностранных дел России и АСЕАН. (2022а) *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1825104/ (дата обращения 08.01.2026).
- Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г. (2023) *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения 07.01.2026).
- Резолюция 1373 (2001), принятая Советом Безопасности ООН 28 сентября 2001 г. (2001) *Организация Объединенных Наций*. [Электронный ресурс]. URL: [https://undocs.org/S/RES/1373\(2001\)](https://undocs.org/S/RES/1373(2001)) (дата обращения 02.01.2026).
- Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 года. (2011) *Организация Объединенных Наций*. [Электронный ресурс]. URL: [https://undocs.org/S/RES/1973\(2011\)](https://undocs.org/S/RES/1973(2011)) (дата обращения 02.01.2026).
- Резолюция 2792 (2025), принятая Советом Безопасности на его 9997-м заседании 17 сентября 2025 года. (2025) *Организация Объединенных Наций*. [Электронный ресурс]. URL: [https://docs.un.org/r/S/RES/2792\(2025\)](https://docs.un.org/r/S/RES/2792(2025)) (дата обращения 07.01.2026).
- A *Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. Web-site CoE*. (2016) [Online]. Available at: <https://www.coe-civ.eu/kh/a-global-strategy-for-the-european-unions-foreign-and-security-policy> (accessed 09.01.2026).
- Resolution 242 (1967) of 22 November 1967. Mideast situation/Withdrawal of Israeli forces, termination of states of belligerency. (1967) *United Nations*. [Online]. Available at: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-184858/> (accessed 02.01.2026).
- Xīn Shídài de Zhōngguó Guójiā Ānquán Báipíshū | Xīn Shídài de Zhōngguó Guójiā Ānquán. Xīnhuáshè [新時代的中國國家安全白皮書 | 新時代的中國國家安全. 來源: 新華社]. *Zhōnghuá Rénmín Gònghéguó Guófāngbù* /中华人民共和国国防部]. (2025) [Online]. Available at: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/fwxw/bps/16385614.html> (accessed 09.01.2026).

Словари

- Арутюнова, Н. Д. (1990) Дискурс. В кн.: *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, с. 136–137.
- Кузнецов, С. А. (2000) *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт, 1536 с.

Список литературы

- Ван Дейк, Т. (2006) *Дискурс и власть*. М.: Прогресс, 312 с.
- Голованова, Е. И. (2013) Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий. *Вестник Челябинского государственного университета*, № 1 (292), с. 32–35.
- Желнова, И. Л. (2011) Язык дипломатии в жанровой системе современного русского языка. В кн.: *Человек в информационном пространстве: межвузовский сборник научных трудов в 2 т. Т. 1, вып. 10*. Ярославль: Изд-во Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, с. 6–9.
- Кожетева, А. С. (2012а) Дипломатический дискурс как особый вид институционального дискурса. *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*, № 17, с. 54–63.
- Кожетева, А. С. (2012б) Языковая объективация адресанта и адресата в дипломатическом дискурсе. *Теория и практика общественного развития*, № 1, с. 255–258.
- Никанорова, И. А. (2017) Изменение политического и дипломатического дискурса в XXI веке в связи с появлением новых акторов на мировой сцене. В кн.: Ф. Р. Мирзоева, А. И. Назаренко (ред.). *Язык как фактор культурной дипломатии. Материалы межвузовской научно-практической конференции*. М.: Изд-во Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, с. 152–156.
- Терентий, Л. М. (2010) Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации. *Вопросы когнитивной лингвистики*, № 1 (22), с. 47–56.
- Терентий, Л. М. (2015) Дипломатический дискурс как особая форма научной коммуникации. *Вопросы психолингвистики*, № 24, с. 176–185.
- Шейгал, Е. И. (2005) Проблемы анализа политического дискурса. В кн.: Е. А. Опарина, Е. А. Казак (ред.). *Русский язык в современном обществе: (Функциональные и статусные характеристики)*. М.: Изд-во Института научной информации по общественным наукам РАН, с. 51–70.
- Яппарова, В. Н. (2016) Дипломатический дискурс как объект междисциплинарного исследования. *Вестник ТГГПУ*, № 2 (44), с. 165–170.
- Chilton, P. (2009) Metaphors in political discourse. In: J. L. Mey (ed.). *Concise Encyclopedia of Pragmatics*. Oxford: Elsevier Publ., pp. 622–624.
- Cooper, V. A. (2024) The Good, the Bad and the Other: Discursive constructions of nations in Voice of America's international news. *Discourse & Society*, vol. 36, no. 5, pp. 640–660. <https://doi.org/10.1177/09579265241304002>
- Fairclough, N. (2006) Genres in political discourse. In: J. L. Mey (ed.). *Encyclopedia of Pragmatics*. Amsterdam: Elsevier Publ., pp. 293–298.
- Foucault, M. (1971) *L'Ordre du discours*. Paris: Gallimard Publ., 81 p.
- Hansen, L. (2006) *Security as practice: Discourse analysis and the Bosnian war*. London: Routledge Publ., 292 p.
- Jin, Z. K. (2007) *Diplomacy*. Beijing: Renmin University of China Press, 21 p.
- Lakoff, G. (1973) Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*, vol. 2, no. 4, pp. 458–508. <https://doi.org/10.1007/BF00262952>
- Schunz, S., Topcuoglu, E. A. (2023) A European Union 'water diplomacy'? Frames of water in EU external action. *The Hague Journal of Diplomacy*, vol. 19, no. 4, pp. 1–36. <https://doi.org/10.1163/1871191x-bja10179>
- Zhang, C., Afzaal, M., Omar, A., Altohami, W. M. A. (2023) A corpus-based analysis of the stylistic features of Chinese and American diplomatic discourse. *Frontiers in Psychology*, vol. 14, article 1122675. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1122675>

Sources

- A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. Web-site CoE*. (2016) [Online]. Available at: <https://www.coe-civ.eu/kh/a-global-strategy-for-the-european-unions-foreign-and-security-policy> (accessed 09.01.2026). (In English)
- “China's National Security in the New Era” White Paper | “China's National Security in the New Era” Xinhua News Agency [新时代的中國國家安全白皮書 | 新时代的中國國家安全. 来源: 新华社]. (2025) *Ministry of National Defense of the People's Republic of China* [中华人民共和国国防部]. (2025) [Online]. Available at: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/fwx/tps/16385614.html> (accessed 09.01.2026). (In Chinese)
- Foreign Ministry statement on the situation concerning the Armenian-Azerbaijani normalisation process. (2023) *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. [Online]. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1865114/ (accessed 09.01.2026). (In Russian)

- Foreign Ministry statement on an attempted military coup in the Plurinational State of Bolivia. (2024) *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. [Online]. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1959801/ (accessed 09.01.2026). (In Russian)
- Foreign Ministry statement on the results of the Russia - ASEAN Foreign Ministers' Meeting. (2022) *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. [Online]. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1825104/ (accessed 08.01.2026). (In Russian)
- Foreign Ministry statement on the development of the situation in the Syrian Arab Republic. (2024) *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. [Online]. Available at: https://www.mid.ru/ru/press_service/official_statement/1987700/?lang=ru (accessed 08.01.2026). (In Russian)
- Resolution 242 (1967) of 22 November 1967. Mideast situation/Withdrawal of Israeli forces, termination of states of belligerency. (1967) *United Nations*. [Online]. Available at: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-184858/> (accessed 02.01.2026). (In English)
- Resolution 1373 (2001) Adopted by the Security Council at its 4385th meeting, on 28 September 2001. (2001) *United Nations*. [Online]. Available at: [https://undocs.org/S/RES/1373\(2001\)](https://undocs.org/S/RES/1373(2001)) (accessed 02.01.2026). (In Russian)
- Resolution 1973 (2011) Adopted by the Security Council at its 6498th meeting, on 17 March 2011. (2011) *United Nations*. [Online]. Available at: [https://undocs.org/S/RES/1973\(2011\)](https://undocs.org/S/RES/1973(2011)) (accessed 02.01.2026). (In Russian)
- Resolution 2792 (2025) Adopted by the Security Council at its 9997th meeting, on 17 September 2025. (2025) *United Nations*. [Online]. Available at: [https://docs.un.org/en/S/RES/2792\(2025\)](https://docs.un.org/en/S/RES/2792(2025)) (accessed 05.01.2026). (In Russian)
- Russian Foreign Ministry statement on developments around Venezuela. (2025) *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. [Online]. Available at: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/2070902/ (accessed 09.01.2026). (In Russian)
- Statement of the Russian MFA in connection with the situation on the Kyrgyz-Tajik border. (2022b) *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. [Online]. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1830048/ (accessed 08.01.2026). (In Russian)
- The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. (2023) *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. [Online]. Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (accessed 07.01.2026). (In Russian)

Dictionaries

- Arutyunova, N. D. (1990) Discourse. In: *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., pp. 136–137. (In Russian)
- Kuznetsov, S. A. (2000) *Great Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Saint Petersburg: Norint Publ., 1536 p. (In Russian)

References

- Chilton, P. (2009) Metaphors in political discourse. In: J. L. Mey (ed.). *Concise Encyclopedia of Pragmatics*. Oxford: Elsevier Publ., pp. 622–624. (In English)
- Cooper, V. A. (2024) The Good, the Bad and the Other: Discursive constructions of nations in Voice of America's international news. *Discourse & Society*, vol. 36, no. 5, pp. 640–660. <https://doi.org/10.1177/09579265241304002> (In English)
- Fairclough, N. (2006) Genres in political discourse. In: J. L. Mey (ed.). *Encyclopedia of Pragmatics*. Amsterdam: Elsevier Publ., pp. 293–298. (In English)
- Foucault, M. (1971) *The Discourse on Language [L'Ordre du discours]*. Paris: Gallimard Publ., 81 p. (In English)
- Golovanova, E. I. (2013) Professional discourse, subdiscourse, and the genre of professional communication: concept relations. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 1 (292), pp. 32–35. (In Russian)
- Hansen, L. (2006) *Security as practice: Discourse analysis and the Bosnian war*. London: Routledge Publ., 292 p. (In English)
- Jin, Z. K. (2007) *Diplomacy*. Beijing: Renmin University of China Press, 21 p. (In English)
- Kozheteva, A. S. (2012a) Diplomatic discourse as a special type of institutional discourse. *Nauchnyj vestnik voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*, no. 17, pp. 54–63. (In Russian)
- Kozheteva, A. S. (2012b) Language objectivation of addresser and addressee in the diplomatic discourse. *Theory and Practice of Social Development*, no. 1, pp. 255–258. (In Russian)
- Nikanorova, I. A. (2017) The change of political and diplomatic discourse in the 21st century due to new actors on the world stage. In: F. R. Mirzoeva, A. I. Nazarenko (eds.). *Language as a Factor of Cultural Diplomacy. Materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference*. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation Publ., pp. 152–156. (In Russian)

- Sheigal, E. I. (2005) Problems of political discourse analysis. In: E. A. Oparina, E. A. Kazak (eds.). *Russian language in modern society: (Functional and status characteristics)*. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 51–70. (In Russian)
- Terentiy, L. M. (2010) Diplomatic discourse as a specific form of political communication. *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 1 (22), pp. 47–56. (In Russian)
- Terentiy, L. M. (2015) Diplomatic discourse as a specific form of scientific communication. *Journal of Psycholinguistics*, no. 24, pp. 176–185. (In Russian)
- Lakoff, G. (1973) Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*, vol. 2, no. 4, pp. 458–508. <https://doi.org/10.1007/BF00262952> (In English)
- Schunz, S., Topcuoglu, E. A. (2023) A European Union “water diplomacy”? Frames of water in EU external action. *The Hague Journal of Diplomacy*, vol. 19, no. 4, pp. 1–36. <https://doi.org/10.1163/1871191x-bja10179> (In English)
- Van Dijk, T. (2006) *Discourse and Power*. Moscow: Progress Publ., 312 p. (In Russian)
- Yapparova, V. N. (2016) Diplomatic discourse as an object of interdisciplinary research. *Vestnik TGGPU*, no. 2 (44), pp. 165–170. (In Russian)
- Zhang, C., Afzaal, M., Omar, A., Altohami, W. M. A. (2023) A corpus-based analysis of the stylistic features of Chinese and American diplomatic discourse. *Frontiers in Psychology*, vol. 14, article 1122675. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1122675> (In English)
- Zhelnova, I. L. (2011) The Language of Diplomacy in the Genre System of the Modern Russian Language. In: *Man in the Information Space: Interuniversity Collection of Scientific Papers in 2 vols. Vol. 1. Issue 10*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky Publ., pp. 6–9. (In Russian)

Сведения об авторе

Тарасова Анастасия Сергеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков в профессиональной деятельности, директор центра информационно-аналитического обеспечения международной деятельности, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. SPIN-код: 5987-3134, ORCID: 0000-0001-9316-2217, e-mail: nastya91938@mail.ru

Author

Anastasiia S. Tarasova, candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages in Professional Activities, Director of the Center for Information and Analytical Support of International Activities, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. SPIN: 5987-3134, ORCID: 0000-0001-9316-2217, e-mail: nastya91938@mail.ru